

Глава 9

«Слишком резко, этот запах просто невыносим!»

Ань Лань с изумлением смотрел на сидящего в комнате Гун Цзю, наконец поняв, откуда у того этот лёгкий, но стойкий аромат.

«Как можно не пропитаться им насквозь, живя целыми днями в такой комнате?»

Хотя они уже были друзьями, это странное человеческое поведение всё равно казалось ему необъяснимым.

Лицо Гун Цзю помрачнело.

— Подойди.

Впервые юноша отказался приближаться. Он отчаянно замотал головой, и на его лице было написано полное неприятие.

— Ты больше меня не слушаешься? — голос мужчины был мягким, но взгляд — тёмным и глубоким.

Ань Лань мучительно колебался, но так и не смог сдвинуться с места. Наконец он нерешительно поднял руку и, подражая жесту, которым его обычно подзывали, тихонько поманил собеседника к себе.

— ...Ты выйдешь, хорошо?

В его голосе было семь частей мольбы и три части жалости. Холод во взгляде Гун Цзю необъяснимо растаял, но тот по-прежнему сидел на месте.

— Почему ты не подходишь? — равнодушно спросил он.

— Запах... не очень хороший... мне плохо... — теребя рукав, ответил Ань Лань.

— Запах? — этот ответ был неожиданным. Молодой господин на мгновение замер, прежде чем понял. — Ты говоришь о драконьей слюне в комнате?

Первой его мыслью было, что с благовонием что-то не так, что кто-то подмешал в него яд. И если этот состав смог обмануть его чувства, то это определённо дело рук великого мастера по ядам.

— Дра... драконья слюна? — повторил русал, догадываясь, что это, должно быть, название того самого благовония.

Гун Цзю уже погасил курильницу на столе и осматривал её. Однако, внимательно всё изучив, он не нашёл никаких явных проблем. Но этого было недостаточно, чтобы развеять его сомнения.

Он достал небольшой, не до конца сгоревший кусочек амбры и, выйдя наружу, подошёл к двум служанкам. Протянув одной из них кусочек, он холодно приказал:

— Съешь.

Лицо девушки мгновенно побледнело. Если в благовонии действительно был яд, то она наверняка умрёт.

Она дрожащей рукой приняла подношение. Но даже так она не смела послушаться господина!

Ань Лань был в шоке.

— Съесть?!

«В самом деле съесть? Просто так, сырым?»

От одной только мысли об этом юноша почувствовал, что начинает задыхаться. Он бросился вперёд и схватил руку служанки, уже поднесённую ко рту. Его голос дрожал.

— Нельзя... это правда нельзя... не ешь... пожалуйста...

Глядя на него, Гун Цзю ещё больше уверился, что с амброй что-то не так.

— Почему нельзя? — допытывался он.

— Это... это... — у русала снова не хватило слов, он совершенно не знал, как это описать.

— Что будет, если съесть?

Ань Лань представил себя на её месте и очень серьёзно ответил:

— Стошнит.

— ...

Этот ответ совершенно не совпал с ожиданиями мужчины.

— Это из морской рыбы... очень-очень большой рыбы... то, что из неё вышло... — с трудом объяснил юноша.

— ...

Брови Гун Цзю медленно сдвинулись к переносице.

Драконья слюна с древних времён считалась драгоценным благовонием, предназначенным исключительно для императорской семьи. Редкая и ценная, она стоила целое состояние. Однако её происхождение было окутано тайной: было известно лишь, что её добывают в море. Ходили слухи, что это слюна спящих драконов, застывшая в воде, отсюда и её название.

Мужчина часто бывал в море и видел свежую амбру. Сразу после того, как её вылавливали, она действительно издавала резкий, неприятный запах, но стоило её высушить, как вещество начинало источать удивительный аромат. Это чудесное превращение, казалось, подтверждало его благородное происхождение. Что ещё, как не «слюна дракона», могло быть столь чудесным?

Но теперь Ань Лань предлагал совершенно иное объяснение.

Выражение лица господина не изменилось, но в голосе послышалось с трудом сдерживаемое раздражение:

— Чем от меня пахнет?

Для обычного человека драконья слюна пахла приятно, но у этого создания, похоже, было иное обоняние.

— Ты... пахнешь приятно... — тихо сказал Ань Лань, теребя рукав. — Только немного... рыбой... и немного... дурно...

Закончив, он тут же добавил с нажимом:

— Но ты мне всё равно нравишься!

Как он мог отвергнуть друга из-за такого пустяка? Ведь их связывали искренние чувства!

Лицо Гун Цзю стало непроницаемым.

После неловкого молчания он вдруг холодно усмехнулся, резким движением притянул юношу к себе и, обхватив его за шею, прижал к своей груди. Ань Лань мгновенно оказался в плотном облаке запаха амбры.

Он на мгновение застыл, а затем начал отчаянно вырываться, жалобно всхлипывая в чужих объятиях:

— За что ты так со мной?

Если он в чём-то и виноват, то пусть его накажут боги, а не окунают в этот запах!

Гун Цзю удерживал его с лёгкостью, словно котёнка.

— Потому что я недоволен, — равнодушно бросил он.

Когда он был недоволен, никто не имел права на радость.

Но даже сейчас, пребывая в гневе, мужчина не чувствовал ни малейшего желания убивать. И, что удивительно, за всё время их неоднократных телесных контактов он ни разу не испытал чувства отвращения. К этому существу у него, похоже, была неожиданная даже для него самого терпимость и жажда обладания.

Это было крайне необычно, но оттого ещё интереснее.

Когда Ань Лань наконец получил свободу, он был почти бездыханен. Его лицо стало бледным, как бумага, и ему казалось, что теперь он сам источает этот неопиcуемый аромат. Больше всего на свете ему хотелось вернуться в море и проплыть восемнадцать кругов, чтобы смыть с себя эту вонь.

Но не успел он сдвинуться с места, как Гун Цзю приказал служанкам приготовить воду и ароматные листья для омовения. Описание юноши подействовало и на него.

Спустя время Ань Лань, всё ещё пребывая в полузабытьи, вышел из ванны с влажными волосами. В своей комнате он обнаружил Гун Цзю и огромное зеркало в полный рост, прислонённое к стене.

Зеркало было сделано из лучшего стекла и отражало каждую ресничку с безупречной чёткостью. Перед ним было невозможно скрыть ни единого изъяна. Хозяин острова стоял перед ним и созерцал своё отражение с мягким выражением лица и нескрываемым восхищением.

Он любовался собой, как совершенным произведением искусства.

Ань Лань смотрел на это с недоумением.

«Что это ещё за странное человеческое поведение, и почему он оказался в моей комнате?»

Он не удержался и спросил вслух:

— Почему ты здесь?

Гун Цзю наконец отвёл взгляд от зеркала и повернулся к нему:

— На этом острове нет места, куда я не мог бы пойти.

Юноша подумал и признал правоту этих слов. По законам природы всё живое на этой территории должно было подчиняться её хозяину. Включая его самого. В противном случае ему следовало бы либо покинуть остров, либо победить господина Цзю и занять его место.

Но он пришёл на сушу, чтобы найти друзей, а мужчина уже был одним из них. Как он мог предать друга?

— Но я хочу спать, — смиренно попросил он. — Ты придёшь завтра, хорошо?

Хотя сегодня он не делал ничего утомительного, русал чувствовал себя невероятно уставшим. В голове была лишь одна мысль — скорее уснуть.

— Нет, — холодно отрезал Гун Цзю.

— Почему? — Ань Лань почувствовал, что силы окончательно покидают его.

— Потому что сегодня я останусь здесь.

Юноша замер. Гун Цзю останется здесь? А что же делать ему? Идти спать в те покои, пропитанные ароматом амбры? Эта мысль повергла его в уныние.

— А можно я не буду спать у тебя? — жалобно спросил он. — Где угодно, только не там, где драконья слюна...

Он готов был провести ночь в море или вовсе не смыкать глаз, лишь бы не возвращаться в ту комнату.

Мужчина посмотрел на него со странным выражением:

— Я не говорил тебе уходить.

Ань Лань впал в замешательство. Он не знал, как заведено у людей, но русалы жили вместе только со своими партнёрами. Они ценили личное пространство, и делить его могли лишь в период страсти или со своей родственной душой.

Хотя весь этот остров был территорией Гун Цзю, русалу всё равно было трудно нарушить привычный уклад жизни и спать в одной комнате с кем-то, кто не был его парой.

Он с досадой тербил кончики пальцев и наконец пошёл на уступку:

— Эта кровать — твоя, а я найду себе другое место.

«Лучше вернуться в море, там просторно».

Но выражение лица мужчины мгновенно потемнело.

— Ты говорил, что я тебе нравлюсь. Разве ты не рад провести со мной ночь?

Ань Лань не до конца понял смысл вопроса, но уловил недовольство собеседника.

«Может, так люди выражают свою близость? Неужели из-за моего отказа он усомнится в искренности нашей дружбы? Ведь это всего лишь сон в одном месте... ничего серьезного?»

Поколебавшись между привычками и риском потерять друга, русал выбрал первое.

«Эх, я уже взрослый, нужно учиться быть терпимее к друзьям из других видов... так я смогу быстрее завести больше знакомств».

Это была разумная жертва ради понимания человеческой природы. Приняв решение, юноша решительно забрался на кровать, после чего с лучезарной улыбкой поманил мужчину к себе.

— Тогда иди сюда!

Гун Цзю: «...»

Глядя, как господин медленно подходит к нему, Ань Лань снова задался вопросом: почему молодой господин Цзю всё ещё выглядит недовольным?

<http://bllate.org/book/16011/1569796>